
СОЛ ВЕИН
Сначала себе. Но никогда — только себе.
СНАЧАЛА
СЕБЕ

Сол Вейн

Сначала себе

«Автор»
2026

Вейн С.

Сначала себе / С. Вейн — «Автор», 2026

Даниил — архитектор, потерявший всё: жену, бизнес, веру в себя. Однажды он получает странную коробку от отца, которого не видел двадцать лет. Внутри — блокнот с загадочной надписью «Сначала себе» и карта лабиринта. Даниил ещё не знает, что стал пешкой в смертельной игре, где на кону — формула, способная изменить мир. Или уничтожить его.Брат, которого он считал единственным, оказывается не тем, кем был. Появляется второй брат — из прошлого, о котором все молчали. А бывшая жена знает больше, чем говорит. За спиной — тайная организация «Гидра», впереди — дорога из лжи, крови и предательств. Но самое трудное — признать: чтобы спасти других, нужно сначала спасти себя.«Сначала себе» — это психологический триллер с элементами саморазвития. История о том, как рушатся империи, построенные на эго, и как из пепла рождается новая точка опоры — ты сам. Для тех, кто устал быть жертвой и готов стать архитектором своей судьбы.Сначала себе. Но никогда — только себе.

© Вейн С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пыль на зеркале 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Сол Вейн
Сначала себе

Глава 1. Пыль на зеркале

Тишина в квартире была не просто отсутствием звука. Она была физической величиной. Она давила на барабанные перепонки, словно толща воды на глубине в сотню метров. Я сидел на краю заправленной кровати — заправленной так идеально, что по покрывалу можно было проверять строительный уровень — и смотрел на свои руки. Руки лежали на коленях, ладони вверх. Абсолютно пустые ладони. Линии судьбы, линии ума, линии сердца — все эти борозды, по которым хироманты предсказывают будущее, сейчас казались мне просто складками на коже, ничего не значащими, как помятый чек из супермаркета.

Я ждал. Чего? Я и сам не знал. Может быть, что стены начнут сжиматься. Может быть, что телефон, лежащий экраном вниз на тумбочке, завибрирует, и этот звук разорвет тишину, как выстрел. Но телефон молчал. Он молчал уже третий день. Или четвертый. Я сбился со счета.

Меня зовут Даниил. Мне тридцать четыре, и я — архитектор собственной катастрофы. Обычно в книгах по саморазвитию такие, как я, пишут на первой странице: «Когда я потерял всё, я обрел себя». Звучит красиво. Но правда в том, что когда ты теряешь всё, ты не обретаешь ничего, кроме звенящей пустоты в груди и осознания того, что ты — единственный виновник. Никакой мудрости. Никакого просветления. Только тошнотворное похмелье от жизни, которую ты сам выстроил по чертежам собственного эго.

Я поднял взгляд. Напротив кровати висело огромное зеркало в полный рост. Я специально повесил его туда три года назад, когда купил эту квартиру с панорамными окнами на закат. Тогда я думал, что зеркало будет отражать мой успех. Мой дорогой костюм. Мою уверенную улыбку. Мою красивую жену, которая будет поправлять мне галстук перед важными встречами. Сейчас в зеркале отражался тридцатичетырехлетний мужчина с трехдневной щетиной, с глазами цвета выгоревшей травы, в помятой футболке, которая когда-то была белой. И еще там отражалась пыль.

Пыль на зеркале. Я смотрел на нее уже десять минут. Мелкие частички, осевшие на стекле тонким, почти незаметным слоем. Раньше, когда все было «хорошо», я бы не заметил ее. У меня была домработница, которая протирала зеркала каждую субботу. У меня был график уборки в приложении. У меня был контроль. Сейчас домработницы нет. График удален. Контроля нет. Осталась только пыль и я.

— Ты жалок, — сказал я своему отражению.

Отражение не ответило. Оно просто смотрело на меня с тем же выражением усталого отвращения, с каким я смотрел на него. Мы были идеальной парой. Два неудачника, запертые в стеклянной тюрьме.

Внезапно тишину прорезал звук. Не телефон. Дверной звонок. Он был резким, настойчивым, как удар электрическим током. Я вздрогнул так сильно, что свело мышцы шеи. Кто это

мог быть? Я никого не ждал. Я никому не открывал. Я вообще не должен был существовать для внешнего мира последние семьдесят два часа. Доставка еды? Я не заказывал. Курьер, который ошибся дверью? Возможно.

Звонок повторился. Три коротких нажатия. Два длинных. Я знал этот ритм. Сердце ухнуло куда-то вниз, в район желудка, и там забилось, как пойманная птица.

Это был не курьер. Это был мой брат.

Я не двигался. Может быть, он уйдет. Может быть, он решит, что меня нет дома, и уйдет. Пожалуйста, пусть он уйдет. Я не был готов к людям. Я не был готов к его осуждающему взгляду. К его правильным словам, которые всегда звучали как приговор: «Я же тебе говорил». Он говорил. Все говорили. Но я не слушал. Никто не слушает, когда думает, что держит весь мир за горло.

В дверь постучали. Теперь это был не просто звонок, а стук кулаком. Тяжелый, требовательный.

— Даниил! — Голос моего брата Виктора проник сквозь толстую стальную дверь. — Я знаю, что ты там. Открой.

Я молчал. Я смотрел на пыль на зеркале. Мне казалось, что если я буду смотреть на нее достаточно долго, я смогу в ней раствориться. Стать одной из этих бесконечно малых частиц, не несущих никакой ответственности. У пыли нет прошлого. У пыли нет долгов. У пыли нет бывшей жены, которая сейчас, вероятно, пьет кофе с каким-нибудь успешным инвестором и смеется над моей архитектурной империей, рассыпавшейся в прах.

— Даниил, открой дверь! Или я вызову МЧС! Я серьезно!

Он был серьезен. Виктор всегда был серьезен. Он был на четыре года старше, и за эти четыре года он научился главному жизненному правилу — никогда не ошибаться. Или, по крайней мере, никогда не признаваться в этом. Он был прокурором. Он жил в мире, где есть статья, параграф и наказание. Для него моя жизнь сейчас была одной сплошной статьей — «Самоуничтожение по неосторожности».

Я медленно поднялся. Ноги слушались плохо, словно налились свинцом. Я подошел к двери и посмотрел в глазок. Виктор стоял на площадке, в расстегнутом пальто. Он был без шапки, хотя на улице уже был минус. Его темные волосы, которые он зачесывал назад, сейчас растрепались. Он выглядел уставшим. И злым. Наверное, он приехал с работы. У прокурора не бывает выходных.

Я открыл дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно.

Виктор ворвался в квартиру, как ледокол в Северный Ледовитый океан. От него пахло морозом, сигаретами и одеколоном. Он окинул взглядом прихожую, затем посмотрел на меня. В его глазах промелькнуло что-то, похожее на жалость, но он быстро задавил это чувство. Виктор не позволял себе жалости. Он называл это «эмоциональной гигиеной».

— Ты не отвечаешь на звонки, — констатировал он, снимая пальто.

— Я был занят, — сказал я, и голос мой звучал хрипло, как у старика.

— Чем? — спросил он, проходя в гостиную. — Смотрел в потолок? Считал трещины в штукатурке?

Он остановился, увидев пустую бутылку виски на журнальном столике. Рядом стоял стакан. Один стакан. Он не был грязным. Он был просто пустым. Как и я.

— Значит, все-таки пьешь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Это вчерашнее, — соврал я. Бутылка была пуста со вторника. Сегодня был четверг.

Виктор повернулся. Его лицо было непроницаемым. Он достал из кармана брюк телефон, посмотрел на экран, потом убрал обратно. Он делал это всегда, когда хотел скрыть раздражение.

— Ты знаешь, что звонила Елена? — спросил он.

При звуке этого имени я внутренне сжался. Елена. Моя жена. Бывшая жена. Женщина, которая была рядом семь лет, а потом сказала: «Я больше не могу тебя видеть». Не слышать. Не видеть. Она сказала, что я стал для нее «черной дырой», которая засасывает все: деньги, время, чувства, свет. Она была права. Я даже не пытался возразить. Я просто подписал бумаги, когда пришел адвокат.

— Что она хотела? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Она хотела знать, живой ты или нет, — сказал Виктор. — Она не смогла до тебя дозвониться. Твоя мать тоже звонила. Твои партнеры — бывшие партнеры — они звонили мне. Все ищут тебя, Даниил. Все хотят знать, где ты и почему ты исчез. А ты сидишь здесь в темноте и смотришь… — он огляделся, — …во что ты смотришь? На эту дурацкую пыль?

Он подошел к зеркалу и провел по нему пальцем. Оставил четкую полосу на сером налете.

— Ты знаешь, что я тебе скажу? — сказал он, глядя на меня в зеркало. — Ты — гений. Ты гений самокопания. Ты создал целый мир, в котором ты — главный страдалец. Это твоя самая успешная архитектурная работа за последние три года.

Его слова были острыми, как скальпель. Но в них была правда. И это была самая неприятная правда из всех.

— Зачем ты пришел, Виктор? — спросил я, игнорируя укол. — Чтобы прочитать мне лекцию? Чтобы сказать, что я неудачник? Я и так это знаю.

— Я пришел, чтобы отдать тебе вот это, — он полез во внутренний карман пиджака и достал небольшую картонную коробку. Она была старая, с потертыми углами. На ней не было никаких надписей.

Он положил коробку на стол, рядом с пустой бутылкой виски.

— Что это? — спросил я.

— Это передал наш отец, — сказал Виктор.

Я замер. Отец. Человек, которого я не видел уже десять лет. Человек, который ушел из семьи, когда мне было четырнадцать, оставив после себя только долги и записку с тремя словами: «Прости и забудь». Я не простил. Я не забыл. Я вычеркнул его из своей жизни так же, как он вычеркнул нас из своей.

— Когда? — выдавил я из себя. — Когда он это передал?

— Три недели назад, — сказал Виктор. — Он позвонил мне на работу. Сказал, что умирает. Рак. Четвертая стадия. Сказал, что хочет, чтобы ты получил эту коробку. Я сказал, что не буду с тобой разговаривать, потому что ты меня игнорируешь. Тогда он попросил передать через курьера. Но я решил сделать это сам. Чтобы увидеть твою рожу.

— Умирает? — переспросил я. Слово повисло в воздухе, как пепел.

— Уже умер, — сказал Виктор. — Вчера. Я узнал сегодня утром. Похороны в субботу. Закрытые. Он просил не приезжать.

Он произнес это холодно, отстраненно. Виктор всегда ненавидел отца. Больше, чем я. Потому что он помнил его уход лучше. Потому что он был старше и уже понимал, что происходит, а я думал, что папа просто ушел в командировку.

— Что в коробке? — спросил я, чувствуя, как мои пальцы немеют.

— Не знаю, — сказал Виктор. — Он просил, чтобы ты открыл ее сам. Сказал, что это «ключ». Что это поможет тебе «вспомнить, кем ты был до того, как стал тем, кем стал».

Он замолчал. В комнате повисла тяжелая тишина. Та самая тишина, которая была здесь до его прихода, но теперь она была наполнена призраками. Призраком отца, которого я презирал и который умер в одиночестве. Призраком меня самого, который сидел на полу в пустой квартире и смотрел на пыль.

Виктор направился к двери.

— Я уезжаю, — сказал он, надевая пальто. — У меня еще дела. Но, Даниил… — он остановился на пороге, — … не хорони себя заживо. Ты не он. По крайней мере, пока.

Дверь за ним закрылась. Замок щелкнул автоматически. Я остался один.

Я смотрел на коробку. Она была маленькой, серой, ничем не примечательной. Но от нее исходила какая-то странная энергия. Или это была просто моя паранойя. Я подошел к столу и взял ее в руки. Она была легкой. Почти невесомой. Внутри что-то перекатывалось, издавая приглушенный стук.

Я не хотел ее открывать. Я хотел выбросить ее в мусорное ведро. Я хотел вернуться на кровать и снова смотреть на пыль. Но слова Виктора звучали в голове: «Он сказал, что это ключ». Ключ к чему? К прошлому? К тайне, которую мой отец унес с собой в могилу?

Я сел на пол, прямо там, в гостиной, среди окурков и пустых бутылок. Я поставил коробку перед собой. Я медленно, очень медленно поднял крышку.

Внутри лежали две вещи. Первая — это была старая, потрепанная фотография. На ней был изображен молодой мужчина, очень похожий на меня. Это был мой отец в возрасте двадцати пяти лет. Он стоял на фоне какой-то стройки. Он улыбался. Он был счастлив. Но дело было не в нем. Дело было в том, что он держал в руках. Это была не чертежная доска. Это была кисть. Художественная кисть, испачканная краской. Мой отец, который всю жизнь работал прорабом и ненавидел все, что не приносило денег, в молодости держал в руках кисть.

Вторая вещь была страннее. Это был небольшой блокнот в черной кожаной обложке. Он был потерт, страницы пожелтели от времени. Я открыл его. Это был не дневник. Это были записи. Схемы, цифры, вычисления. На первой странице была надпись, сделанная отцовским почерком, который я помнил с детства:

«Тем, кто забыл, как дышать. Инструкция по применению себя».

Я перевернул страницу. Там был список. Пункт первый: «Сначала себе. Найди точку опоры, иначе рухнешь сам и утянешь других». Под этими словами была нарисована странная диаграмма, похожая на лабиринт. А в центре лабиринта была маленькая точка. И подпись: «Вход здесь».

Я перевернул еще несколько страниц. Они были заполнены формулами, которые не имели никакого смысла. И вдруг, на середине блокнота, я наткнулся на письмо. Оно было адресовано мне.

«Даниил. Если ты это читаешь, значит, я уже ушел. И значит, ты дошел до точки, в которой оказался я двадцать лет назад. Я знаю, что ты ненавидишь меня. Это нормально. Я сам себя ненавидел. Но я оставляю тебе не оправдания. Я оставляю тебе инструмент. Ты архитектор. Ты умеешь строить. Но ты не умеешь жить в том, что построил. Этот блокнот — не волшебная таблетка. Это чертеж. Но чтобы начать строить, тебе нужно найти первый камень. Он не здесь. Он там, где ты был счастлив до того, как узнал, что такое успех. Найди его. И когда найдешь, вспомни, что ты — не твои ошибки. Ты — то, что ты делаешь с ними. И еще одно. Не доверяй никому. Даже мне. Особенно мне».

Я прочитал это письмо три раза. Руки дрожали. Я не понимал половины из того, что было написано. Какой «первый камень»? Где я был счастлив? Я не помнил. Я вообще не помнил, что такое счастье. Для меня это было абстрактное понятие, как «сингулярность» или «квантовая запутанность». Я знал, как это работает на уровне теории, но не мог применить к себе.

Я перевернул страницу. Там была карта. Нарисованная от руки. Это был план какого-то здания. Я присмотрелся. И тут меня прошиб холодный пот.

Это был план моего родного города. Не современный. Старый. С теми улицами, которые давно переименовали. И на этом плане была отмечена точка. Крестик, нарисованный красными

чернилами. Крестик стоял на месте старого городского парка. Того самого парка, где я гулял в детстве. Где я впервые поцеловал девочку. Где я упал с велосипеда и сломал руку. Где, если верить моей памяти, я был по-настоящему счастлив.

Под картой была еще одна запись, сделанная тем же почерком:

«Там ты найдешь вторую часть. Но будь осторожен. Тот, кто построил этот лабиринт, не хочет, чтобы ты нашел выход. Он хочет, чтобы ты остался внутри. Потому что ты — его лучшая работа. И самая большая ошибка».

Я закрыл блокнот. Сердце колотилось как бешеное. В квартире снова стало тихо. Но теперь эта тишина была другой. Она была не пустой. Она была угрожающей. Я посмотрел на зеркало. Пыль на нем больше не казалась мне просто пылью. Мне показалось, что в отражении, за моей спиной, кто-то стоит.

Я резко обернулся. Никого.

Я снова посмотрел в блокнот. На последней странице, которую я не заметил раньше, была одна фраза, написанная очень мелко, почти каракулями:

«Сначала себе. Но помни: ты — не единственный, кто ищет этот ключ. И тот, кто идет по твоему следу, уже близко. Он знает, что ты прочитал это. Он ждет. Не заставляй его ждать слишком долго».

Я захлопнул блокнот. В этот момент в дверь снова позвонили. Но это был не ритм Виктора. Это был один длинный, непрерывный звонок. Кто-то держал палец на кнопке. Настойчиво. Требовательно. Угрожающе.

Я посмотрел на часы. Было ровно три часа ночи. Виктор ушел два часа назад.

Я подошел к двери и посмотрел в глазок.

На лестничной площадке стоял человек. Он был в форме курьера. Но лицо его было скрыто под капюшоном. В руках он держал точно такую же коробку, как та, что я только что открыл. Он знал, что я дома. Он знал, что я смотрю.

Он поднял голову, и на долю секунды мне показалось, что я вижу его глаза. Они были холодные, как лед. И в них не было ничего человеческого.

Я отшатнулся от двери. В голове стучало одно слово из письма отца: «Осторожно».

Я взял блокнот и засунул его за пазуху. Я не знал, что делать. Я не знал, кому верить. Я не знал, что находится в этой новой коробке. Но я знал одно: мой отец оставил мне не просто наследство. Он оставил мне предупреждение. И этот человек за дверью — не курьер. Он пришел за мной. Или за тем, что я теперь знаю.

Звонок повторился. Еще более настойчивый. И в этот момент я понял, что мой путь «сначала себе» начинается не с медитации и не с аффирмаций. Он начинается с выбора: открыть дверь или бежать.

Я выбрал бежать. Но дверь была единственным выходом. А за ней стоял тот, кто уже держал в руках ключ к моему прошлому. И, возможно, к моему будущему.

Я подошел к двери и положил руку на замок. Я не знал, что скажу. Я не знал, что сделаю. Но я знал, что обратной дороги нет. Тишина лопнула, как мыльный пузырь. И в этой тишине остался только один вопрос: кто из нас двоих — я или тот, за дверью — на самом деле является архитектором этой ловушки?

Я повернул замок. Щелчок.

Дверь начала открываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.